

## **Институциональные условия производства идеологий в современной России: возможности и ограничения**

Цель доклада – проанализировать институциональные условия производства идеологий в современной России с позиций теории идеологий. Его основные тезисы можно суммировать следующим образом.

1. Начавшийся еще в середине перестройки переход от монополии официальной идеологии к плюрализму идей и направлений происходит в специфическом политическом и интеллектуальном контексте, который во многих отношениях не способствует оформлению идеологий, если понимать под этим термином *более или менее связанные системы убеждений, которые объясняют и оправдывают предпочтительные перспективы развития общества (то есть разного рода «измы»)*<sup>1</sup>.

Завершение «холодной войны» совпало с концом «века идеологий»: повсюду в мире наблюдается размывание идеологических границ, фрагментация и гибридизация, умножение «неполных» (thin), «молекулярных» мини-идеологий, сфокусированных на конкретных проблемах и лишенных «глобальных» амбиций старых «измов». В этой связи встает вопрос о судьбе традиционных идеологий. Скептики утверждают, что с изменением условий, породивших фундаментальные идеологические водоразделы эпохи «модерна», большие «измы» утрачивают практическое значение. Оптимисты указывают на различные механизмы их адаптации к новым условиям производства смыслов. Так или иначе, основные идеологии, несомненно, образуют «иллюзорное целое, которое служит отправной точкой» (М. Фриден): не случайно новые идейные размежевания описываются старыми терминами «правый / левый», «либеральный», «консервативный», «радикальный» и др., даже если связь между актуальными политическими силами и историческими смыслами данных понятий весьма условна.

Однако в постсоветском контексте проблема усугубляется разрывом преемственности: в конце 1980 – начале 1990-х все «измы» конструировались «с чистого листа». Их изобретение было не только политической, но и интеллектуальной задачей, которая решалась за счет адаптации современного «западного» опыта и реконструкции отечественной традиции. К сожалению, постсоветская элита в начале 1990-х годов была плохо подготовлена к решению этой задачи: она не только была плохо знакома с наследием предшественников, но и, в отличие от дореволюционной интеллигенции, была весьма избирательно интегрирована в международное интеллектуальное пространство.

<sup>1</sup> Хотя многие исследователи находят такую интерпретацию данного понятия слишком узкой для описания современных идеологических практик, она, несомненно, релевантна для российского политического дискурса. В частности, по-видимому, именно в этом смысле следует интерпретировать формулировку ч. 2 ст. 13 Конституции («Никакая идеология не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной»).

Немаловажно, что нормативные представления постсоветских идеологов и их аудитории в значительной мере определялись опытом функционирования официальной советской идеологии, предполагавшей многоканальную индоктринацию на основе весьма целостной и связной (не значит – непротиворечивой) системы представлений, над производством и внедрением которых трудилась целая система государственных и партийных институтов. Опыт жизни в утопии стимулирует неудовлетворенность набором конкурирующих неполных идеологий.

Вместе с тем сам масштаб постсоветских социальных трансформаций порождал запрос на идеологии-мировоззрения, учитывающие не только «технологические», но и социокультурные аспекты происходящих перемен (неадекватность конкурирующих идеологий ожиданиям общества выступала в качестве одной из существенных составляющих постсоветского синдрома «кризиса идентичности»). Таким образом, имел место зазор между потребностью в системных идеологиях и возможностью ее реализации.

Еще одной неизбежной проблемой трансформирующегося общества является неустойчивость социальной структуры. Не случайно аналитики связывают проблемы многих «измов» с отсутствием для них социальной базы.

Наконец, не менее важной проблемой является наличие институциональных стимулов идеологической деятельности и качество «человеческого капитала» элит (компетенция «производителей идеологий»).

Все эти обстоятельства создают ограничения для конструирования «измов» как относительно целостных политических мировоззрений. На наш взгляд, речь должна идти не столько о принципиальной невозможности формирования более или менее связных систем убеждений в постсоветском контексте, сколько о вполне объективных препятствиях, которые можно пытаться осознанно и целенаправленно преодолевать.

2. Возникает вопрос: чем определяется связность и системность «измов»? В теории идеологии можно обнаружить несколько вариантов ответов на этот вопрос:

– системность идеологий определяется интересами социальных групп (К. Маркс);

– системность идеологий имеет историко-ситуативную природу. «Сцепление» идей происходило потому, что в контексте проблем, возникавших в модернизировавшихся обществах, определенные типы решений тяготели друг к другу, складываясь в более или менее скоординированные мировоззрения, позволявшие ориентироваться в меняющейся социальной реальности (по К. Мангейму, «мыслят... не изолированные индивиды... мыслят люди в определенных группах, которые разработали специфический стиль мышления в ходе бесконечного ряда реакций на типичные ситуации, характеризующие общую для них позицию»);

– морфологическое объяснение – подход, развиваемый Майклом Фридемом, согласно которому системность идеологий определяется логикой сопряжения ключевых политических концептов, выражающих «конечные ценности». Политические идеи образуют «семейства смыслов», то есть являются элементами холистских структур и черпают смысл из их внутренних взаимосвязей. Если так, то люди, использующие политический язык, будут составлять различные сообщества, придерживающиеся определенных мыслительных практик. Однако это свойство политического языка одновременно является источником уязвимости идеологий: с одной стороны, их воспроизводство требует усвоения единого концептуального пакета, с другой – ни у кого нет монополии на ключевые концепты, которые могут быть заимствованы и реинтерпретированы конкурентами.

Очевидно, что все эти факторы, обеспечивающие связность идеологий, плохо работают в постсоветском контексте. Другими словами, у постсоветских идеологов мало стимулов к производству целостных систем убеждений.

Впрочем, это не означает, что продукты их творчества не имеют шансов на успех. Как справедливо писал Б.Г. Капустин (1996), политическая успешность идеологии не связана необходимым образом с ее способностью дать «общую перспективу» фрагментированной действительности – она может проистекать из адаптации к ситуации бессмысленности (например, эксплуатировать фрустрацию общества). Увязка «успешности» с «продуктивностью» зависит от *практики идеологической коммуникации*.

3. Идеологии существуют в режиме диалога, они формируются в конкуренции с соперничающими системами смыслов. Критическая составляющая играет существенную роль в оформлении идеологий: как хорошо знаютистики политической мысли, именно то, что приходится отстаивать, возражая оппонентам, как правило, приобретает более отчетливые, «хрестоматийные» черты, нежели то, что при всей своей важности не подвергается сомнению. Логика эволюции разных сегментов идейно-символического пространства постсоветской России является взаимозависимой.

На наш взгляд, перспективы современного российского консерватизма во многом определяются спецификой постсоветского либерализма и особенностями конфигурации националистических дискурсов. И в том, и в другом случае консерватизму не повезло.

Современный кризис российского либерализма – следствие не только его целенаправленной маргинализации в итоге политических реформ 2000-х годов, но и неудачного «изобретения». Либерализм в постсоветской России сложился как экономоцентрическая идеология [цивилизованного] капитализма, отличительными характеристиками которого стали антиэтатизм (как результат нетворческого усвоения «модных» версий современного европейского либерализма), антипатернализм (несмотря на наличие социал-либеральных политических проектов либерализм ассоциируется с «опорой на собственные силы» и воспринимается как идеология для «самодостаточного» меньшинства), антиимпериализм и умеренный гражданский национализм (что в контексте идеологических тенденций 2000-х в купе с антиэтатизмом стало основанием для обвинения либералов в отсутствии «патриотизма»), а также элитизм политического стиля. В 2000-х годах консерватизм складывается как антилиберальный проект; при этом он зеркально отражает конфигурацию идеологической повестки либералов, со всеми ее недостатками.

Одновременно консервативный проект стремится компенсировать политическую слабость русского / российского национализма, которая является следствием отсутствия определенности относительно предпочтительной модели макрополитического сообщества, а также стремления значительной части политического класса поддерживать состояние неопределенности за счет «отложенного выбора». В силу того, что до сравнительно недавнего времени этот сегмент отличался аморфностью, в качестве его общего знаменателя выступает антизападничество.

Диалогичность «измов» обуславливает их зависимость друг от друга. Можно сказать и иначе: качество конкурирующих идеологий влияет на результаты самой конкуренции. В свое время (1997) М.В. Ильин писал о потребности в общенациональном идейном койне<sup>1</sup>, через которое осуществляется «перевод» идеологий и мировоззрений. Качество такого «койне» определяется уровнем развития конкурирующих идеологий. Незрелое политическое со-

<sup>1</sup> Койне – здесь – функциональный тип языка, используемый в качестве основного средства повседневного общения с широким диапазоном коммуникативных сфер в условиях регулярных социальных контактов между носителями разных диалектов или языков. *Примеч. ред.*

знание стремится редуцировать разногласия к первобытному языку «своих и чужих».

4. Изобретение в постсоветском контексте консерватизма – задача, очевидным образом более сложная, нежели изобретение либерализма и национализма. Не случайно, несмотря на наличие уже в 1990-х годах отдельных партийно-политических проектов, использовавших прилагательное «консервативный» в своих названиях, исследователи идеологий долгое время не могли договориться относительно того, какой именно комплекс идей следует рассматривать как основу постсоветского консервативного проекта:

– в 1990-х годах, следуя логике ситуационного понимания консерватизма, некоторые исследователи назначали на эту роль коммунистов;

– В.А. Гусев «Русский консерватизм: Основные направления и этапы развития» (2001): концепция «третьей волны консерватизма», связывавшая современный консерватизм с национал-патриотическими и антизападническими концепциями, развиваемыми журналами «Наш современник», «Москва» и «Молодая гвардия»;

– Л.В. Поляков (2000) увидел «Манифест либерального консерватизма» в предвыборной статье В.В. Путина «Россия на рубеже тысячелетий»;

– в 2000-х годах количество проектов, использовавших слово «консервативный» в самоназвании умножилось.

Однако это не упрощает проблему идентификации, актуальную для любого «изма». Учитывая, что любая идеологическая традиция плюралистична, определение «измов» – это всегда «идеологическое упражнение» по отбору того, что автору кажется наиболее существенными элементами данной традиции. В случае с консерватизмом это усугубляется его принципиально ситуационным (situational) характером<sup>1</sup>. Как известно, Хантингтон полагал, что консерватизм принципиально отличается от других «измов» тем, что он представляет собой скорее определенное отношение к институтам, нежели веру в конкретный идеал. Это – позиционная идеология, подобно радикализму (и, добавим, популизму). Если так, то а) бессмысленно ставить вопрос о консервативной традиции: проявления консерватизма в разных контекстах – просто параллельные идеологические реакции на сходные социальные обстоятельства; б) консерватизм невозможен в состоянии хаоса или в обществе, находящемся в состоянии быстрых революционных изменений. Не случайно в постсоветской России консервативный проект появляется позже других «измов», когда вырисовываются контуры социального порядка, который можно защищать.

Впрочем, сходный вывод об условиях, в которых становится возможен консервативный проект, можно сделать и на основе «автономного» определения, связывающего консерватизм с определенной системой идей, поскольку конкретное наполнение этих идей сопряжено с наличием ретроспективной утопии, определенного понимания прошлого. К сожалению, задача конструирования традиции, на которую можно опираться, до недавнего времени не являлась приоритетом символической политики: российская властвующая элита предпочитает использовать прошлое, не занимаясь систематическим конструированием связного метанарратива.

<sup>1</sup> Во всяком случае, согласно подходу, получившему хрестоматийное обоснование в статье С. Хантингтона «Консерватизм как идеология» (1957, American Political Science Review).